

К вопросу о выводе христиан из Крымского ханства в 1778 г.

Р.Т. Дейников

Одним из «белых пятен» в истории процесса включения Крымского ханства в состав Российской империи является вывод христианских подданных крымского хана в пределы Российской империи в период недолгой «независимости» этого государства.

Кратко напомним предысторию вопроса. В результате русско-турецкой войны 1768—1774 гг. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Крымское ханство получило формальную независимость. При этом, договор 1774 г. сохранил религиозную зависимость татар от турецкого султана — халифа «всех правоверных»¹. За Турцией сохранялся также мощный центр влияния в регионе — крепость Очаков. Кроме того, почти все производство и внешняя торговля ханства были ориентированы исключительно на турецкий рынок². Поэтому сразу после вывода российских войск с территории ханства там произошел проосманский мятеж Девлет-Гирея, ставшего новым крымским ханом. К осени 1776 г. быстрыми темпами с османской и крымскотатарской сторон происходила ревизия договоров 1772 и 1774 гг., апофеозом которого стало приостановление Османской империей контрибуционных выплат России с требованием «... отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман».

После этого, в конце 1776 г., российские войска вступили на территорию Крымского ханства и Санкт-Петербург поддержал мятеж «пророссийской» партии в Крыму во главе с Шагин-Гирей-султаном. Резкая смена внешнеполитических ориентиров нового крымскотатарского правительства, не очень взвешенная реформаторская деятельность молодого хана, а также деструктивные действия османских властей привели к страшному по своим масштабам антиханскому бунту в Крыму в конце 1777 — начале 1778 г., подавленному с помощью российских войск. Все это происходило на фоне подготовки Турции к новой войне, убийства османскими агентами пророссийски настроенного господаря Молдавского княжества Григория III Гики и явно намечающегося общеевропейского кризиса из-за резкого ухудшения отношений между Францией и Великобританией, Пруссией и империей Габсбургов.

В этих условиях, в своем рескрипте графу Румянцеву-Задунайскому от 09.03.1778 императрица Екатерина II дала указание «склонять живущих там (в Крыму. — Р. Д.) греков и других христиан к переселению их в Россию»³. После официального Постановления крымских христиан от 17.07.1778 с просьбой о принятии их в российское подданство и ханского Повеления ко всем в крымских городах каймаканам предположительно от 25.07.1778 с фактическим разрешением выезда в Россию всех желаю-

Дейников Равиль Тагирович — кандидат исторических наук.

щих крымских христиан, начался их массовый выход из Крыма в Россию, который был официально завершен 18 сентября 1778 года.

Надо отметить, что тема переселения христиан Крыма в Россию в той или иной степени затрагивалась в отечественной дореволюционной историографии и весьма активно муссируется современными украинскими исследователями. В советской историографии данная проблема обойдена молчанием.

Целью данного исследования является не описание самого факта выхода крымских христиан в Россию в 1778 г., а попытка рассмотреть ситуацию с выселением христиан из Крыма с точки зрения анализа основных постулатов этого процесса, выдвинутых исследователями.

Впервые серьезно проблему выселения христиан из Крыма затронул в своем труде «Генералиссимус князь Суворов» российский военный историк А. Петрушевский. Он отмечал, что «обладание Крымом в эту пору еще далеко не представлялось за Россией обеспеченным. Надо было и сделать новые ходы, чтобы приблизиться к цели и извлечь из Крыма что можно на случай неудачи. То и другое достигалось переселением из Крыма находившихся там христиан, преимущественно греческой и армянской национальностей. В их руках находились промышленность, садоводство и земледелие горной полосы, что составляло знатную долю доходных статей хана... С другой стороны — представлялась выгода заселения приазовского края многочисленную колонию трудолюбивых, промысленных людей»⁴. Версию об экономической подоплеке выселения христиан из Крыма, которое, якобы, еще более привязало хана к России, практически повторил другой выдающийся российский военный историк Николай Дубровин⁵, а позже и видный крымский историк, один из основателей Таврической ученой архивной комиссии Арсений Маркевич⁶.

В советское время версия дореволюционных исследователей о выселении христиан из Крыма полностью вписалась в материалистическую, «марксистско-ленинскую» теорию исторического процесса. Е. Дружинина фактически поставила жирную точку в рассмотрении причин переселения — не вдаваясь в глубокий анализ проблемы, — она отмечала, что «в дальнейшем (после заключения Кючук-Кайнарджийского мира. — Р.Д.) русское правительство стало готовиться к включению Крыма в состав России. Одной из важнейших мер в этом направлении являлось переселение из Крыма христианских жителей полуострова... Поскольку именно христиане (греки и армяне) составляли основную трудовую часть населения Крыма, переселение их в Россию означало экономическое ослабление ханства и ставило Крым в прямую зависимость от России»⁷. Эта версия становится доминирующей в процессе изучения проблемы и неоднократно повторяется в разных вариациях и современными исследователями. Вероятно, исходя из логики этих рассуждений, современный отечественный историк Алексей Крючков пишет, что «к анализу названных событий следует, по всей видимости, подходить, учитывая взятый Петербургом с конца 1777 — начала 1778 г. курс на присоединение Крыма»⁸.

Но был ли действительно официальным Петербургом на рубеже 1777—1778 гг. взят курс на присоединение Крыма к России, как полагает значительная группа ученых? На наш взгляд, серьезно вопрос о включении Крымского ханства в состав Российской империи в то время стоять не мог, так как, во-первых, оставались нератифицированными османской стороной многие пункты весьма выгодного для России мирного договора 1774 г.; во-вторых, аннексия Крыма привела бы к серьезным внешнеполитическим осложнениям, которые нарушили бы хрупкий баланс во всей Восточной и Центральной Европе; в-третьих, подобные действия означали бы начало крупномасштабной войны с Османской империей, а к войне Россия была не готова как по внутренним, так и по внешнеполитическим причинам. В результате, значительная часть российского политического истеблишмента считала нецелесообразным присоединение Крымского ханства к России, полагая необходимым сохранение номинальной независимости ханства под покровительством России. Если этого сделать не удастся, то предполагалось разыграть «кубанскую карту», при которой ногайские орды отделились бы от Крыма с созданием «независимого» ханства под протекцией России. То, что данная тенденция в российской политике конца 1777 — начала 1778 гг. стала преобладающей, подтверждается документально. Так, на заседании Го-

сударственного Совета России от 6 ноября 1777 г. было принято решение поручить фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому «убедить хана собственными поступками его к перемене поведения и сколь нужно ему держаться сдешних наставлений, соединить ногайские народы ласково и деньгами под его послушание, перевести его самого, в случае объявления войны, на Кубанскую сторону, и разорить Крым как вину распрей и дабы турки не имели более способов там утвердиться»⁹. Зачем в случае войны разорять край, который хочешь присоединить к своей державе? Очень важные свидетельства содержатся и в Указе Императрицы П. Румянцеву от 11.02.1778, в котором Екатерина II пишет, что «хотя впрочем толь великая часть Крыма взволновавшаяся противу наступающего своего хана Шагин-Гирея до того в бунте своем упорствует, что вовсе не хочет повиноваться ни ему, ни находящемуся при нем правительству, однакожь тем не меньше польза дел и службы нашей требуют вести его с нашей стороны на ногу владетельнаго и законнаго хана, по последней мере до самой крайности». При этом, однако, императрица замечает: «с другой стороны, сооружение на Кубани независимо от Крымцев благонамереннаго общества под властью Шагин-Гирея-хана, становится, по мнению нашему, вящше и вящше нужным, дабы там сохранить лицо вольной татарской области, еслиб при настоянии войны Крым совсем уже потерян был, а по крайней мере не иметь от Ногайских орд вредной диверсии»¹⁰.

Таким образом, политически в указанный период Россия не готовилась к аннексии Крыма. Но еще ведь остается экономическая составляющая вывода христиан из Крыма. Составляли ли доходы от налогов с христиан основную часть доходов ханства как полагают некоторые исследователи? Вряд ли, учитывая, что Шагин-Гирей-хан, придя к власти, обложил и мусульманское население (которое в несколько раз по численности превосходило христиан) такими же податями¹¹. Да и версия о лишении татарской знати местного источника их дохода в виде сбора налогов с христиан¹² не выдерживает критики. Ведь «при своем избрании он (Шагин-Гирей. — Р.Д.) обязался запретить чиновникам брать самим жалованье с платящих подати и десятины и из пошлин, взимаемых прежде ими в свою пользу. Все доходы взял он в свои руки, всякому же из них назначил определенное жалованье»¹³. Согласно данным ряда исследователей, по соглашению с Шагин-Гирей-ханом, Россия в качестве возмещения своих затрат на его постоянную военную поддержку, получила доходы крымской казны с соляных озер и налоги, взимаемые с христиан, а также гавани Балаклавскую и Козловскую¹⁴. Кроме того, современный украинский исследователь П. Марциновский, проанализировав доходные части бюджета Крымского ханства за 1777—1783 гг., пришел к выводу о том, что «в 1777 г. 85% всех ханских доходов находились на откупе у русских купцов. Вряд ли ситуация коренным образом изменилась в следующем году»¹⁵. Так что большой роли для ханской казны налоги с крымских христиан играть в то время не могли.

Тем более, вывод христиан не мог быть связан с ослаблением Шагин-Гирей-хана, который «пытался Крымское ханство превратить в сильное независимое государство», что «никак не входило в планы Екатерины и Потемкина»¹⁶. Напомним, что Шагин-Гирей был возведен на ханский престол с помощью России и в первые три месяца получил от нее только деньгами не менее 65 тыс. рублей¹⁷ (а эта сумма составляет почти 19% от среднего годового дохода в 345,6 тыс. руб. всего Крымского ханства в конце 70 — начале 80-х гг. XVIII столетия¹⁸). На заведенный в Бахчисарае монетный двор поставлялось российское серебро¹⁹. Более того, как сообщает А. Прозоровский графу Румянцеву-Задунайскому по поводу ханского займа в 10 тыс. руб., который «хотя он (хан. — Р.Д.) и обещается возратить, однакожь скоро сие ему выполнить очень трудно»²⁰. То есть, в финансовом плане Шагин-Гирей-хан с первых дней своего воцарения был в полной зависимости от России. Но самое главное — новый крымский хан не был утвержден в своем звании халифом всех мусульман-сунитов — османским султаном. Без этого легитимность власти Шагин-Гирея ставилась под сомнение. Не случайно, именно фигура Шагин-Гирея, во многом, являлась камнем преткновения для ратификации Османской империей основных пунктов Кючук-Кайнарджийского мирного договора, о чем 9 января 1778 г. впрямую заявил османский муфтий: «хорошо, если бы российский двор перестал защищать Шагин-

Гирея и не старался бы делать ханом *такую свинью и собаку*, но кого другого, тогда бы и все распри кончились»²¹. Очевидно, что в этих условиях хан не был способен на проведение сколь-нибудь значимой самостоятельной политики, которая бы не устраивала Петербург. Он был зависим в финансовом плане, легитимность его власти держалась на российских штыках, а в дальнейшем — на российской же дипломатии.

Что касается заселения Приазовья выходцами из Крыма — то резон в этом, безусловно, был. Огромная и пустынная территория Новороссии заселялась недостаточными темпами. В этой связи, организованное переселение греков и грузин в Александровский, а армян — в Ростовский уезд резко увеличило население этих крайне малонаселенных районов²². Большинство этих людей были торговцами, ремесленниками и ростовщиками. В короткое время они смогли переориентировать внешнеэкономические связи Крымского ханства с Османской империи на Россию. Однако, все же, мы не можем согласиться с С.Ф. Орешковой, которая полагает, что основной причиной указанной акции служила исключительно заинтересованность России «в быстром заселении своих новых южных окраин... Экономические же последствия этого мероприятия для Крыма российские власти тогда мало интересовали»²³. Вероятно, указанной причины все же должно быть недостаточно для проведения столь масштабной и дорогостоящей акции. Напомним, что только прямые затраты России на проведение переселения (без учета субсидий хану и знати, а также финансовых и налоговых преференций переселяемым) составили сумму, не менее 130 тыс. рублей²⁴.

Итак, версия причин переселения крымских христиан в Россию в 1778 г., связанная с экономическим ослаблением Крымского ханства в преддверии его аннексии Россией с одновременным заселением Новороссии представляется нам малоубедительной, а иногда и прямо опровергается официальными документами. Тем более не выдерживает никакой критики трактовка переселения христиан в качестве широкомасштабной экономической диверсии России в отношении Крымского ханства, направленной на подрыв его экономики и финансов²⁵. Известно, что земли и угодья, оставляемые христианами, отходили хану²⁶. Более того, Шагин-Гирей-хан отказался не только компенсировать христианами оставляемую недвижимость (особенно сады) и выданные ссуды бежавшим татарским мурзам, чье имущество было конфисковано в ханскую казну, но даже имеющиеся «долги на чиновниках... и на самом хане»²⁷.

Вторая крупная группа исследователей поддерживает официальную версию вывода христиан из Крыма, озвученную впервые в марте 1778 г. в рескрипте Екатерины II. В этом документе говорится, что «сие (переселение крымских христиан в Россию. — Р.Д.) делается в предупреждение могущаго им быть мщения от татар и может статься и от турок, если оные в Крым прибудут»²⁸. Подобное мнение было характерно как для дореволюционных исследователей²⁹, так и для наших современников³⁰. Правда, справедливости ради стоит отметить, что эти исследователи всегда рассматривали угрозу жизни крымских христиан лишь как одну из основных, но не единственную причину их переселения. Как не странно, наиболее четко позицию указанной группы выразила видный представитель британской школы историков-славистов Исабель де Мадариага: «План (эвакуации христианского населения Крыма. — Р.Д.) возник в 1777—1778 гг., порожденный, вероятно, вполне обоснованным страхом перед возможными мусульманскими репрессиями в отношении христиан после выхода российских войск. Но выгода от привлечения большой группы поселенцев-христиан на южнорусские территории скоро заслонила собой первоначальную причину переселения, и опасения за безопасность крымских христиан стали обычным предлогом»³¹.

Общезвестно, что в Крымском ханстве судебная система основывалась на нормах Шариата, опирающегося в свою очередь на Коран, Сунну, Кияс и фикх. Как отмечает исследователь государственного и правового устройства Крымского ханства Фатма Аметка, «особенностью осуществления правосудия в Крымском ханстве является его религиозный характер, каким переполнены все этапы судопроизводства. Не только само правосудие основывалось на религиозно-правовых нормах, но и организация судопроизводства составляла религиозно-правовое действо»³². При этом, «все, что учинено не в соответствии с шариатскими постановлениями считается, незаконным, и объявляется недействительным»³³. Не стоит и говорить, что нему-

сульмане в ханстве были зачастую лишены правовой защиты. Как совершенно справедливо отмечал российский историк XIX в. Феофист Хартахай, «все иноверцы, жившие отдельными общинами, составляли как бы отдельные сословия. Они не были рабами татар (рабами в полном смысле были только одни военнопленные), но, лишенные строгого покровительства законов государства, представляли средину между рабом и полноправным гражданином»³⁴. По сведениям современного турецкого исследователя Турана Ахмета Незихи, с конца XVII столетия «было повелено, чтобы «племя неверных носило приметы», то есть имело на своей одежде специальные знаки, указывающие на то, что они не мусульмане. Кадии должны были... наказывать тех, кто ему (повелению. — *Р.Д.*) не подчиняется»³⁵. Тем не менее, при всей тяжести положения христиан в Крыму, описанной выше, надо признать, что они приспособились и даже многие из них благоустраивались. Ситуация стала меняться после окончания русско-турецкой войны 1768—1774 годов. Не считая всех ужасов войны, которые испытало население ханства, это пограничное государство оказалось в системном кризисе, когда его социально-экономические и административно-политические проблемы были помножены на углубляющийся этно-национальный кризис (противостояние ногайцев и крымских татар, мусульман и райя) и раскол политической элиты (так называемая «пророссийская» и «проосманская» партии). Все это привело к фактически непрекращающейся гражданской войне и чехарде Гиреев на бахчисарайском престоле. Естественно, положение христианского населения ханства существенно осложнилось хотя бы из-за их вероисповедания, учитывая, что все русско-турецкие войны велись под идеологическим прикрытием защиты веры как с одной, так и с другой стороны. В этой связи, были и грабежи, и насилия. Например, о прямом вымогательстве Девлет-Гирей-хана свидетельствует современник событий карим Рабби-Азарья (иудей), утверждавший, что под вымышленным предлогом «жители монастырской обители (Успенского монастыря. — *Р.Д.*) были схвачены, и скованные брошены в заключение, и мучимы разными истязаниями... Монахи... должны были внести 1000 грush (вероятно, речь идет о турецком пиастре. — *Р.Д.*) после чего были освобождены из заточения»³⁶. По данным украинского исследователя М. Сухарева, речь в данном случае шла не о простых монахах, а о митрополите Игнатии и его помощнике по епархиальному управлению протоиерее Трифилии³⁷. О постоянных проблемах у христиан Кафы, включая осквернение церкви, докладывал П. Румянцеву А. Прозоровский³⁸.

Крайняя нестабильность ситуации в Крымском ханстве заставила Россию напрямую вмешаться в борьбу крымских политических партий, и в начале 1777 г. с ее помощью ханом стал Шагин-Гирей, который в числе своих реформ произвел «уравнение греков и армян его (крымского хана. — *Р.Д.*) области в податях и прочих преимуществах с магометанами». Это посчиталось среди татар «за наичувствительную обиду и к роду своему презрение, чрез что и возрастает между народом молва и роптание, а между чиновниками неудовольствие и огорчение»³⁹. Реформы хана привели в начале октября к бунту в Крыму и глубокому международному кризису, грозившему перерасти в полномасштабную войну между Россией и Османской империей. Так, в момент крымского восстания Блистательная Порта присоединила к своей территории крымские земли в Бессарабии, создав новый пашалык с включением в него Каушан, Балты, Дубоссар и прочих земель до р. Буг. Также «проосманской партией» при непосредственном участии турок были проведены перевороты в Дунайских княжествах⁴⁰. Напомним, что пункт 16 Кючук-Кайнарджийского российско-османского договора прямо прописывал права и привилегии указанных княжеств и их правителей, гарантом которых являлись обе стороны договора.

Тем временем, бунт в Крыму все разрастался. Коммуникации Крымского корпуса оказались перерезанными, и князь Прозоровский, запаниковав, перевел антиханский мятеж в межконфессиональный конфликт. Сначала, осадив Карасубазар и узнав, что мятежники в горы «увезли своих жен и детей... послал вооруженных албанцев (в данном случае албанцами называли греков из Архипелага, активно поддерживавших российские войска в войне 1768—1774 гг. и эвакуированных в Россию после снятия русским флотом морской блокады Проливов. — *Р.Д.*), требуя оных из Еникаоля..., с тем, чтобы они там грабили и истребляли бунтовщиков»⁴¹. Затем, митрополит

Готфейский и Кафайский Игнатий⁴² по просьбе Прозоровского выступил с призывом «о соглашении всех христиан поднять противу их (бунтовщиков. — *Р.Д.*) оружие». При этом, Прозоровский докладывал Румянцеву, что «обнадежил их (христиан. — *Р.Д.*) по благополучном успехе отменным вашего сиятельства и чрез ходатайство ваше высочайшим ея императорского величества покровительством»⁴³. Между тем, в Кафе с помощью османских войск высидился прибывший из Стамбула новый претендент на ханский престол — Селим-Гирей. А уже в начале 1778 г., согласно докладу российского резидента в Османской империи А. Стахиева, в Стамбуле была арестована вся крымскотатарская делегация от Шагин-Гирея и «Порта... через Очаков отправила в Крым салахора Хаджи-бея к Селим-Гирей-хану с обыкновенною инвеститурою его на ханство»⁴⁴. Совершенно очевидно, что, несмотря на подавление острой стадии бунта, со дня на день можно было ожидать прямого военного вмешательства Османской империи в крымские дела. А тут еще и активное участие местных христиан и «албанцев» в карательных походах ханских войск против бунтовщиков: Рабби-Азарья отмечал, что «Греки и Армяне... грабили и убивали Мусульман и издевались над их религиєю, и потому с возстановлением мира и порядка они боялись, чтобы Татары не отомстили им за претерпенныя от них гонения во время войны»⁴⁵.

Мы думаем, что все сказанное выше показывает реальность весьма значительной угрозы, возникшей перед христианским населением Крыма. Соответственно, основополагающей причиной вывода христиан из Крыма в 1778 г. являлось все же стремление России эвакуировать с полуострова в условиях гражданской войны и угрозы османской интервенции единоверное и традиционно благожелательно настроенное к России население. Ведь говоря о «восточном вопросе» во внешней политике Российской империи XVIII столетия, мы почему-то совершенно забываем о важнейшей составляющей этой политики — религиозной. Как правильно отмечала известный отечественный этнолог и историк Светлана Лурье, «Российская Империя, в плане религиозно-мистическом, осознавала себя как продолжение Римской и Византийской Империй, как Третий Рим. Вопреки часто раздающимся утверждениям... идея Третьего Рима — это вполне осязаемая политическая реальность, признававшаяся не только в России, но и во всем православном мире... Православная мысль не считалась и не хотела считаться с многочисленностью земных царств — все это были царства языческие, неистинные. Православное царство могло быть лишь одно — Римское (продолжением которого считалась Российская империя. — *Р.Д.*) и все прочие православные государства воспринимались не иначе как его подданные»⁴⁶. Очевидно, что эта направленность соответствовала логике российского имперского столетства и не могла игнорироваться во внешней политике государства. При этом, вероятная выгода этого шага для развития пограничных и малозаселенных российских губерний не могла сравниться по важности задачи с религиозно-этической составляющей эвакуации христиан из потенциально враждебного им мусульманского государства.

Казалось бы, что вопрос об инициаторах выселения христиан из Крыма не должен быть предметом дискуссии в то время, когда доступен большой пласт весьма авторитетных источников. Тем не менее, и в данном случае мы наблюдаем различие во мнениях. Фактически, в научных кругах сложилось две точки зрения на данный счет. Первая группа исследователей полагает, что основная инициатива этого процесса исходила от митрополита Готфейского и Кафайского Игнатия⁴⁷. Так, профессор Алан Фишер (Alan Fisher) прямо пишет, что инициатива выхода христиан в Россию шла не от широких масс греческого и армянского населения Крыма, а от митрополита Игнатия⁴⁸.

Вторая большая группа исследователей, основываясь на превалировании экономических причин выселения христиан из Крыма, отмечала, что инициатива их выселения целиком исходила от российского правительства. Так, еще в XIX столетии Дубровин писал: «Россия успела... поставить Шагин-Гирея в еще более зависимое положение. В Крыму находилось в то время много христиан, произведения труда которых составляли главныя статьи доходов хана... С выселением их вся культура ослаблялась и доходы хана ограничивались. Под предлогом опасности, которой под-

вергались христиане при всякого рода возмущениях татар, русское правительство успело вывести в Россию до 30 000 человек греков и армян»⁴⁹.

В ходе российско-османской войны Крымский полуостров в 1771 г. был оккупирован российскими войсками. При этом, христианское население ханства встречало русских более, чем доброжелательно⁵⁰. Более того, в июне 1771 г. не без помощи местных христиан российскими войсками практически без потерь была взята хорошо укрепленная Кафа с многотысячным османским гарнизоном⁵¹. В результате, как отмечает А. Маркевич, в отношении христиан ханское правительство приняло репрессивные меры. Так, вспышки репрессий имели место в 1770, 1772 и 1774 годов⁵². В самый разгар указанных событий, 27 апреля 1771 г., в Крым прибыл новый митрополит Игнатий⁵³. Естественно, то, что Игнатий увидел в своей новой епархии, его ошеломило. Вероятно, с этим связаны два его обращения в Синод РПЦ от 29 сентября 1771 г., а также к Екатерине II от 8 декабря 1772 г., в которых митрополит затронул вопрос о возможности переселения крымских греков в пределы православной России с целью сохранения веры и национальных обычаев⁵⁴. Однако это было в то время не реально, так как российское правительство полагало, что «отторжение их (татар. — Р.Д.) от Порты может почесться самым важным приобретением, каково мы от сей войны ожидать имели»⁵⁵. Поэтому, важнейшей внешнеполитической задачей российской дипломатии первой половины 70-х гг. XVIII в. было добиться признания Османской империей факта независимости от нее Крымского ханства. Тем не менее, с подачи все того же Игнатия, вскоре после заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г. все крымские христиане были взяты под особое покровительство правительства России⁵⁶.

Однако, на рубеже 1777—1778 гг. о каких-то предложениях митрополита по эвакуации христиан из Крыма в Россию нам не известно. При этом, совершенно очевидно, что в разгар бунта Батыр-Гирея/Селим-Гирея, именно в российских правительственных кругах начала активно муссироваться тема защиты христиан Крыма. Судя по всему, первые так сказать официальные мысли по этому поводу были озвучены Екатериной II в рескрипте графу Румянцеву от 11 ноября 1777 года⁵⁷. К сожалению, непосредственно этот документ нами не обнаружен, но уже в марте 1778 г. императрица отдала распоряжение, которое снимает, на наш взгляд, все вопросы по инициатору вывода христиан из Крыма: «из последних донесений ваших относительно до Крыма усмотрели мы, что сделали вы с своей стороны предписание генерал-поручику князю Прозоровскому, чтобы он старался склонять живущих там греков и других христиан к переселению их в Россию. Мы приемля пункт сей со всею важностию, не можем довольно предписать средств, коими помянутый генерал-поручик долженствует усугубить все возможные для него способы уговаривать их, чтобы добровольно согласились перенести домовство свое в Новороссийскую и Азовскую губернии... А особливо уговаривать к тому тамошняго митрополита, обладажа его разными выгодами»⁵⁸. Исполнительный вояка Прозоровский практически сразу побеседовал с митрополитом Игнатием. 18 апреля он сообщил Потемкину, что митрополит «объявил мне, что его эмиссары употребленные в праздничные дни между христиан для отобрания их мыслей в выходе отсюда возвратились и на каких кондициях объявили они свое желание»⁵⁹. Россия приняла указанные «кондиции» и 17 июля было представлено Постановление крымских христиан, начинавшееся словами: «Ве общество крымских христиан, греческаго, армянскаго и католическаго законов, вступая в подданство всероссийское, с согласия и доброй воли, чрез преосвященнаго митрополита Игнатия просят ея императорскаго величества милости высочайшего покровительства...»⁶⁰.

Таким образом, мы можем сделать однозначный вывод о том, что инициатива вывода крымских христиан в Россию в 1778 г. принадлежала правительству России, а митрополит Игнатий (как и религиозные лидеры армян-григорианцев и армян-католиков) явился лишь удобным инструментом в руках России.

Доказав этот факт, самое время ответить на вопрос — был ли этот процесс добровольным или являлся насильственным.

В отечественной историографии подобный вопрос специально не рассматривался, так как нет явных свидетельств насильственного вывода христиан из Крыма.

Однако в ряде современных украинских исследований иногда присутствуют весьма тенденциозные высказывания на этот счет. Так, доказывая факт принуждения христиан к переселению, А. Герасимчук цитирует неназванную статью из «Известий Таврической ученой архивной комиссии» № 30, 1899 г.: «когда в 1778 г. греков переселяли из Крыма, то многие из них, не желая покидать родные края, приняли мусульманство и сказались татарами. И до сих пор в некоторых селениях Южного берега татары соблюдают христианские обычаи и носят чисто греческие фамилии»⁶¹. Однако в указанном номере ИТУАК такой цитаты просто нет (как и вообще материалов, касающихся переселения христиан в 1778 г.). А Е. Княгинин, утверждает, что «в ответ на многочисленные жалобы правитель Малороссии граф Румянцев строго наказал Суворову (сменившему в апреле 1778 г. кн. Прозоровского на посту командующего Крымским корпусом российских войск. — *Р.Д.*), чтобы ни один казак с плетью за крымскими христианами не гонялся»⁶². Однако среди опубликованных писем Румянцева-Задунайского за 1778 г. мы не смогли обнаружить этого «строгого наказа» Суворову. Ссылка на подобное «строжайшее запрещение» есть в ответном письме Румянцева Шагин-Гирей-хану от 02.09.1778, но, очевидно, что эти слова призваны были успокоить раздраженного хана, тем более, что их предвзяла довольно жесткая отповедь⁶³ на выраженное ханом сомнение по поводу добровольности выхода крымских христиан⁶⁴. Суворов, при всем своем служебном рвении, в данном вопросе был чужд какого-либо насилия. Так, сохранилась его гневная записка резиденту (посланнику) при ханском дворе А. Константинову, датированная 5 августа 1778 г.: «Ея императорского величества исходящие крымские христиане, из них один в железзах... Отвергните сие, милостивый государь мой, и тот чтоб сейчас свободен был ехать...»⁶⁵. Поэтому, когда в сентябре хан, ссылаясь на письмо Румянцева, передал Суворову «запрещение насильственного вывода христиан», мнительный генерал-поручик, находившийся, по его собственным словам, в «когтях ханского мщения», весьма обиделся. Так, он жаловался своему приятелю Турчанинову (секретарю князя Потемкина) на командующего и этот его запрет, переданный Суворову через недружественно к нему настроенного Шагин-Гирей-хана, в то время, «когда ни один казак с плетью ни за кем не гонялся»⁶⁶. Именно из этого контекста и вырвал Княгинин фразу про казака с плетью в доказательство имевшего место насилия. На наш взгляд, подобное использование источников для «доказательства» верности собственной концепции вряд ли можно признать корректным с научной точки зрения.

В этой связи, когда нет доказательств реального насилия российских войск при переселении христиан, приведенная А. Герасимчуком цитата из статьи некоего В. Джувага — «Переселением греков руководил генерал А. Суворов. Оно проходило жестоко. По семейному преданию, моих предков-греков зарубили солдаты за отказ переселяться»⁶⁷ — выглядит, по крайней мере, фантастической. Также как и цитируемая многими украинскими авторами фраза из статьи археолога и нумизмата А. Бертъе-Делагарда: «выходили христиане с горькими рыданиями, бегали, скрывались в лесах и пещерах, мало того, принимали мусульманство, лишь бы только остаться в родной земле»⁶⁸. Однако, во-первых, г-н Бертъе-Делагард никогда не занимался серьезно указанной проблематикой; во-вторых, статья «Керменчик (крымская глушь)», откуда взята цитата, была опубликована в виде художественно-познавательного эссе по итогам археологической экспедиции по поиску античных и раннесредневековых артефактов; в-третьих, указанная фраза вырвана из контекста критики автором действий российских властей в XVIII в., потерявших «с выходом христиан... лучших посредников между собой и татарами, отодвигая, быть может, навсегда, тогда, вероятно, легко доступную задачу возвращения горных татар вновь к незабытой ими вере отцов, к христианству»⁶⁹. Так, что г-н Бертъе-Делагард в данном случае выступал не как ученый, а как воинствующий борец за христианство, считавший Крым оплотом своей веры и осуждавший любые шаги, способствующие утверждению ислама на полуострове. Можно ли в этой связи для доказательства собственной правоты ссылаться на фразу указанного автора, тем более не подкрепленную ссылками на источники? Да и как в случае жесткой депортации с применением силы объяснить то, что достаточно большое количество христиан (именно христиан, а не тех из них, кто принял ислам) все же осталось на полуострове? Ведь этому факту есть документаль-

ные подтверждения. Например, спустя почти три года после переселения христиан, Азовский губернатор Василий Чертков писал тогдашнему резиденту в Крыму: «Известся чрез армянскаго архиепископа Иосифа, что... некоторое число одноверцев, оставших там при выходе из Крыма собратий их сюда, донные жительствоуют в Крыму... Не пожелают-ли и те жительствоующие ныне в Крыму армяне к переходу оттоль для соединения с их одноверцами сюда, — ваше превосходительство покорнейше прошу в преклонении их к тому взять все удобовозможныя меры, изъясняя им все выгоды и пользу, клонящихся к их благосостоянию... И когда будет их на то желание, то не оставьте, милостивый государь мой, отправить их сюда, при уведомлении вашем ко мне, отобрав каждого мысли, где они пожелают поселиться — в Нахичевани или здесь — в Екатеринославе, дабы посредством сего вашего уведомления можно было скорее приступить к их удовлетворению»⁷⁰. Странная переписка для чиновников, занимавшихся «депортацией».

17 июля 1778 г. появилось официальное обращение лидеров крымских христиан во главе с митрополитом Игнатием к российскому правительству с просьбой принять их в российское подданство и позволить переселиться в пределы империи. Этому обращению христиан предшествовали бурные внешнеполитические события:

Во-первых, мобилизация османского флота и выход его 9 июня под командованием самого капитан-паши или капудан-баши (командующий флотом Османской империи) к берегам Крымского ханства. Только своевременное военное укрепление всех гаваней ханства и удачное маневрирование российско-татарских войск помешало османскому флоту высадить крупный десант на полуострове. Эти военные приготовления, подкрепленные отказом Османской империи от контрибуционных выплат России по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора⁷¹, воинственной риторикой и даже оскорбительными антихристианскими действиями⁷² привели к подаче 28 июня российским министром при Османском Дворе (полномочным послом) А. Стахивым мемориала (ноты) с просьбой о разрешении российской дипломатической миссии выехать на родину, что означало разрыв дипломатических отношений, то есть войну.

Во-вторых, военный конфликт ведущих западноевропейских держав между собой. В июле 1778 г. Пруссия объявила войну империи Габсбургов (война за «баварское наследство»). Данный конфликт был осложнен наличием военных союзов империи Габсбургов с Францией и Пруссии с Россией соответственно. Кроме того, 6 февраля 1778 г. Франция признала Соединенные Штаты Америки и заключила с ними союзный и торговый договоры, что привело к началу войны между Францией и Англией.

Таким образом, Россия и Турция к июлю 1778 г. стояли на пороге новой войны, грозившей перерасти в общеевропейский конфликт. Одним из театров грядущих военных действий со всей очевидностью должна была стать территория Крымского ханства с вытекающими отсюда последствиями в виде, во-первых, угрозы жизни и имуществу мирных жителей (особенно христиан в условиях все возрастающей религиозной нетерпимости) и, во-вторых, полного паралича черноморской торговли с разорением крымских купцов, занимавшихся этим бизнесом (преимущественно армяне и греки). А к этому еще стоит добавить, что в результате мятежа конца 1777—начала 1778 г. «в горах, где большею частью живут христиане... в бывший мятеж все селения почти генерально разорены и суда какие были сожжены»⁷³.

Объективно, христианское население Крыма было заинтересовано в создавшихся внутри- и внешнеполитических условиях в переселении на территорию Российской империи на определенных условиях. И эти условия были Россией созданы. Так, новым колонистам пожаловали щедрые земельные наделы и значительную гражданскую, религиозную автономию в рамках российских законов. Кроме того, выезжающие христиане получили от России беспрецедентную помощь в виде: обеспечения транспортом для не имеющих подвод; фактической покупки нетранспортабельного имущества, виноградников и даже «зерновых произращений» (то есть посевов); компенсации за крымскотатарские долги (как частные, так и правительственные) и долги ряда христиан перед отдельными татарами; обеспечения малоимущих фуражом и провиантом в пути; обеспечения приема фуража, провианта и

сена у христиан в Крыму по квитанциям, которые можно было обналчить в Перекопе и Арабате и т.д.

Но это все объективные моменты. Другое дело, что с насиженного места, со своей Родины, далеко не каждый может легко уехать. Хотя, по сообщению Суворова, еще до начала целенаправленного переселения христиан «некоторые усердствующие... за свои деньги и не дешевой ценой покупают повозки и лошадей, дабы наипоспешнейше отправится впредь лежащий им путь»⁷⁴. Не будем забывать и другой существенный момент. Крымское ханство последней трети XVIII столетия — это типичное позднесредневековое общество, притом с ярко выраженной теократической исламской традицией во всех сферах жизни. В этой связи немудрено, что для крымских жителей XVIII в. были крайне важны такие понятия, как государь (хан и, опосредованно, султан и российская императрица); сословия; общинная и цеховая иерархия; религиозная идентичность. А христиане (как, собственно, и иудеи), будучи религиозным меньшинством в средневековом, почти теократическом государстве, для того, чтобы выжить и сохранить свою национально-религиозную идентичность, просто обязаны были объединяться в сообщества таких же как они. Все же эти сообщества были, в свою очередь, объединены не столько языком, сколько религией. Как замечает М. Араджиони, «утрата родного языка (языковая ассимиляция) не влекла за собой потерю этнической идентичности, в то же время, смена религии означала переход в другую конфессиональную общность, что в средневековье было равнозначно смене также и этнической идентификации (этнической ассимиляции)»⁷⁵.

Для христиан Крыма становилось весьма значимым моментом то, что их «старшины и знатные люди» через своих духовных лидеров и с подачи официальных представителей российской императрицы (которую их государь, крымский хан, именовал не иначе как «всемилостивейшей покровительницею нашей»⁷⁶), подали Постановление крымских христиан с просьбой о принятии их в российское подданство и, соответственно, о выводе их в пределы Российской империи. К этому надо добавить, что по данным современных украинских исследователей Наталии Терентьевой и Наталии Бацак, «Митрополит имел чрезвычайную власть над христианским населением полуострова: все стороны духовной, политической, экономической и общественной жизни греков находились под его юрисдикцией»⁷⁷. Проблема заключалась лишь в том, что указанное Постановление крымских христиан все же было подано без ведома их законного государя — хана. В связи с этим многие христиане и колебались. Ситуация изменилась после того, как 25 июля крымский хан все же дал свое согласие на вывод христиан в Россию⁷⁸. С точки зрения человека того времени, это означало, что твой государь (в данном случае хан) «отдал» тебя другому государю. Отсюда становятся понятны и высокие темпы эвакуации христиан из Крыма (не более двух месяцев) и значительно большее число реально выехавших (согласно рапорту Суворова от 18.09.1778 выехали из Крыма 31 098 чел., и на зимовку в Ениколе и Черкасе остались еще 288 чел., которые собирались уехать в следующем году⁷⁹), чем предполагалось ранее.

Таким образом, мы считаем сам термин «депортация» (изгнание, принудительная высылка) неприменимым к ситуации с крымскими христианами в 1778 г., т.к. отсутствуют факты использования военной силы, а сами новые подданные Российской империи получили беспрецедентные финансово-экономические и гражданско-религиозные преференции. При этом, очевидно, что многие христиане покидали свою Родину неохотно. Однако инициированные Россией юридические решения⁸⁰, возбужденная Россией же активность греческих и армянских религиозных лидеров в желании эмигрировать в Россию, а также нарушенное в Крымском ханстве этноконфессиональное равновесие и постоянная угроза войны, практически вынудили подавляющую часть христианского населения Крыма покинуть обжитые места. Вероятно, с некоторой натяжкой, переселение крымских христиан в Россию в 1778 г. можно считать вынужденной эмиграцией.

В октябре 1778 г. был завершен вывод христианского населения с территории Крыма. По весьма красочному выражению Н. Терентьевой и Н. Бацак, «инициаторам переселения удалось нанести сокрушительный удар и без того подорванной войной экономике ханства. Лишенный основной части своего производителя, Крым попал

в прямую зависимость от России и уже в конце 1778 г. на полуострове распространился голод»⁸¹. В конце 1778 г. в Крыму действительно был голод, но стал ли он следствием выхода христианского населения с полуострова? В начале августа 1778 г. Суворов писал о неурожае в Крыму. Тем не менее, произведенная оплата христианам за «остающаяся зерновые произращения» была осуществлена, исходя из совокупного урожая с их полей в объеме около 50 тыс. четвертей⁸². В то время четверть, как мера объема сыпучих тел в России равнялась 131 кг. Таким образом, не сложно подсчитать, что весь урожай зерновых (пшеница, рожь, просо) крымских христиан в 1778 г. чуть превышал 6,5 тыс. т. При этом, П. Маршиновский высчитал «средний валовой объем сбора зерновых (в Крыму. — *Р.Д.*) с 1778 по 1782 г. — 54,5 тысячи тонн»⁸³ или более 416 тыс. четвертей. То есть, христиане Крыма производили не более 12% всех зерновых на полуострове. Стоит также отметить, что собранный после христиан урожай пошел на снабжение российских войск в том же Крыму, а сами выехавшие христиане семенным, фуражным зерном и мукой снабжались уже на территории Российской империи. Таким образом, выезд христиан никак не мог спровоцировать голод на полуострове в конце 1778 года. Объяснение крымского голода в этот период было дано непосредственным участником событий — Рабби-Азарья, который писал: «между тем настал в Крыму голод... В 12 день месяца Тевет, то есть Декабря, упал большой снег в целом полуострове и покрыл землю почти на аршин, а в лесных местах высота снега доходила даже до полутора аршина, все воды и пруды замерзли, мельницы остановились и оказался большой недостаток в муке. Россия снабдила Крым мукою»⁸⁴. При этом, Крым не мог в это время получить припасы из Османской империи по причинам зимнего времени года, при котором отсутствовала черноморская навигация; напряженных отношений между Стамбулом, с одной стороны, и Санкт-Петербургом и Бахчисараем — с другой; недостатка хлеба в самой Турции в связи с неурожаем и разразившемся в 1778 г. в связи с этим голодом.

И, наконец, остался последний серьезный дискуссионный момент в исследовании проблемы переселения христиан из Крыма — ситуация с их возможной массовой гибелью уже в пределах Российской империи.

18 сентября 1778 г. из Крыма вышло 31 098 чел. обоего пола, из них — 18 335 греков, 12 383 армян, 219 грузин, 161 волох. Кроме того, остались зимовать в Крыму 60 греков, 228 армян⁸⁵. Все партии выходивших христиан направлялись к Александровской крепости (нынешний город Запорожье), где они проходили регистрацию, карантин и ставились на казенное довольствие. Согласно данным Ведомости земского комиссара капитана Булгакова от 27.12.1778 известно, что через эту крепость прошли 30 690 человек⁸⁶. По сравнению с данными Суворова, это количество на 408 чел. меньше. Вероятнее всего, это погибшие в дороге люди, так как, по данным Архиепископа Херсонского и Таврического Гавриила, «... к сожалению обстоятельства не совсем тому (переселению. — *Р.Д.*) благоприятствовали. Между переселяющимися открылись разные недуги, и сверх-того появилась в то время в Новороссийской и Азовской губерниях повальная болезнь, отчего многие в дороге померли»⁸⁷. После Александровской крепости христиане направлялись в различные районы Азовской губернии для временного поселения. Вопросы места постоянного проживания откладывались до весны 1779 года⁸⁸. Жили в достаточно сложных условиях, без особого обеспечения их нужд, в условиях свирепствующих болезней.

Весной 1779 г. Азовская губернская канцелярия начала вести активную работу по расселению греков в Мариенпольском, Волководском, Торском уездах, между реками Бык и Волчь. Однако они не соглашались и требовали места, обещанные им ранее, — между реками Днепром, Самарой и Орелью или в Екатеринославском уезде. Но эти места были уже заселены, и выполнить эти требования не представлялось возможным⁸⁹. Не лучше дела обстояли и у армян, которых принуждали селиться по реке Терс, где они сталкивались с большими трудностями⁹⁰.

И лишь после появления Высочайшей грамоты об устройстве христиан, выведенных из Крыма, дарованной митрополиту Игнатию 21 мая 1779 г. и архимандриту Петру Маргосу 14 ноября 1779 г., ситуация на местах несколько стабилизировалась. По этому указу армянам отводилось 86 тыс. десятин земли рядом с крепостью Святого Дмитрия Ростовского, разрешалось основать один город (Нахичеван) и пять селе-

ний, что и было сделано. Для греков в обеспечение Высочайшей грамоты, был издан целый ряд ордеров по созданию Мариупольского греческого уезда. В конце концов, Орденом князя Потемкина генерал-поручику Черткову от 29 сентября 1779 г.⁹¹ грекам отводилось 744 тыс. десятин земли. Именно здесь греки сами должны были решить, где им строить город и села. В результате, активная фаза заселения новой территории началась лишь с лета 1780 года.

Таким образом, крымские христиане провели очень тяжелый год после того, как они переселились в Россию. Рабби-Азарья писал: «в июле [1779 г.] отправился я в Русскую землю, где случилось мне видеть в самом плачевном состоянии Греков и Армян переселенных из Крыма. Они стали биваком на поле, без крова и пристанища... Между тем от непогод, перемены климата и нездоровой воды появилась между ними смертность, которая истребила 12 000 душ»⁹². Это свидетельство сыграло с последующими исследователями злую шутку. В результате, либо непосредственно указанная цифра⁹³, либо что-то типа «1/3 погибших»⁹⁴ стали фигурировать во многих научных и научно-популярных изданиях.

Но были ли столь огромными потери среди крымских переселенцев? Согласно данным переписи населения Азовской губернии, проведенной в марте 1779 г., там проживало 30 233 выходца из Крыма. Из них, греков — 15 712 чел., армян — 13 695, грузин — 644, волохов — 162 человека⁹⁵. Как видим, если общее число выходцев с Крымского полуострова на март 1779 г. вполне сопоставимо с Ведомостями Суворова и капитана Булгакова (общее количество переселенцев меньше, чем у Суворова на 865 чел., и на 457 чел. меньше, чем у Булгакова), то этнический состав совершенно не совпадает. Так, оказалось, что количество греков сократилось на целых 2 623 чел., в то время как прирост армян составил 1 312 чел., а грузин — 425 человек. Очевидно, что такого быть не может. Однако, директор Научно-исследовательского центра кримоведения АР Крым (Украина) Владимир Григорьянц отмечал, что в число учтенных при выводе армян не входили армяне-католики⁹⁶. Но при этом, судя по всему, они были учтены при выводе, так как, по сообщению Суворова от 18 сентября 1778 г., «преосвященный митрополит греческий, преподобный архимандрит армянский выехали за христианами сего числа, в то же время и католический патер Яков»⁹⁷. Известный факт, что ряд малых этносов, выводимых из Крыма, записывали как греков. Кто мешал то же самое сделать с армянами-католиками, да и с грузинами тоже? Хотя с грузинами вопрос, на наш взгляд, несколько сложнее. Известно, что российские представители в Крыму выкупали «ясырей» (пленных) христианского вероисповедания у крымских татар в 1778—1779 годах. После освобождения всех российских подданных в начале 70-х гг. XVIII в. основной массой пленных-христиан у крымских татар были как раз грузины. Есть документы о выводе по крайней мере трех партий грузин из Крыма после официального окончания 18 сентября 1778 г. вывода христиан⁹⁸. Но эти партии никак не могли повлиять на количество грузин при переписи в марте 1779 года. Таким образом, вероятно и часть грузин в Ведомости Суворова оказалась записана греками. А если это так, то зима 1778—1779 гг. унесла жизни 457 бывших крымских христиан. Вместе же с потерями в дороге за первые полгода погибло 865 человек.

А вот на начало ноября 1779 г. в Азовской губернии насчитывалось 28 807 христиан — выходцев с Крыма⁹⁹, то есть на 1 426 чел. меньше, чем в марте того же года. Но могло ли за теплое время года погибнуть существенно больше народу, чем за зиму? В принципе могло, учитывая распространенность в том районе холеры. Однако, по оценкам современных исследователей, кроме болезней и голода, на сокращение численности крымских эмигрантов повлияли и другие факторы. Значительное количество греков, недовольное условиями жизни на поднепровских землях, ушли назад в Крым¹⁰⁰ (на протяжении 1779—1820 гг. около 2 тыс. переселенцев по различным причинам нелегально вернулась на полуостров¹⁰¹). Помимо этого, по данным М. Араджиони, группа греков из Кафы осталась в г. Черкасске¹⁰² (ныне — станция Старочеркасская) и естественно не могла быть учтена в Азовской губернии.

По переписи населения 1781 г., греков, грузин и волохов, которые вышли из Крыма в 1778 г., в Мариупольском уезде было 14 483 человек. В Ростовском уезде, в г. Нахичевани проживало 10 243 армянина¹⁰³. Еще 1 200 чел. отмечено в пяти сель-

ских армянских поселениях¹⁰⁴. Кроме того, выведенные из Карасубазара в 1778—1779 гг. армяно-католики уклонились от переселения в Приазовье, оставшись в районе Новомосковска Екатеринославской губернии. В 1787 г. князь Г.А. Потемкин, учитывая необходимость заселения опустевшего полуострова, разрешил им вернуться в Крым. В 1790-м армяно-католическая община в составе 1 тыс. чел., в том числе 123 греков и некоторого числа армяно-григориан, возвратилась в Карасубазар¹⁰⁵. К сожалению, на 1781 г. мы не обладаем информацией о том, сколько было армян в районе Новомосковска, но можно предположить, что это число колебалось в районе 1 тыс. чел., учитывая, что католиков по первоначальным данным Суворова было 1 200 человек.

Таким образом, на следующий год после закладки бывшими крымскими переселенцами основной массы своих населенных пунктов, количество этих людей в пределах Российской империи можно оценивать в районе 27 тыс. чел., то есть, убыль бывших крымских христиан за 3 года с момента переселения составила около 4 тыс. чел., большая часть которых, судя по всему, погибла. Это весьма значительная цифра, которую с полным основанием можно поставить в «заслугу» со знаком минус организаторам переселения, аппарату Новороссийского края в целом и Азовской губернии в частности, уездным и интендантским службам на местах. Однако, эта убыль все же существенно ниже тех данных, которые приводятся некоторыми исследователями.

Подведем некоторые итоги. Вывод христиан из Крыма в 1778 г. состоялся по инициативе российского правительства при деятельном участии духовных лидеров христианских общин Крыма. Основой этого шага было, в первую очередь, стремление России эвакуировать с полуострова в условиях гражданской войны и угрозы османской интервенции единое и традиционно благожелательно настроенное население. Важнейшую роль при принятии данного решения, несомненно, играла активно выстраиваемая в то время идеологическая концепция российского экспансионизма — истинно христианское царство, задача которого не только защита православных, но и изгнание турок из Европы. При этом, нет каких-либо данных о применении насилия российскими войсками при обеспечении эвакуации крымских христиан в Россию. Однако, сами условия (во многом искусственно созданные российской стороной), при которых эта эвакуация стала возможной, практически не оставили подавляющему большинству христиан выбора — они просто вынуждены были переселиться. Отсюда, с некоторой натяжкой, переселение крымских христиан в Россию в 1778 г. можно считать вынужденной эмиграцией.

Касаясь краткосрочных негативных последствий выселения христиан и для ханства (голод), и для самих христиан (массовая гибель), отметим, что возникший зимой 1778—1779 гг. голод в Крыму никак не был связан с прошедшим выселением и имел, в основном, объективные природные причины. Что же касается массовой гибели самих переселенных в пределах Российской империи, то, к сожалению, она имела место из-за безобразной неподготовленности местных властей к приему и расселению такой значительной массы людей. Однако, цифры погибших все же в разы меньше, чем те фантастические показатели смертности, которые демонстрируют некоторые исследователи данной темы.

Примечания

1. ДРУЖИНИНА Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М. 1955, с. 280.
2. Там же, с. 110—113.
3. Рескрипт императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. ДУБРОВИН Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. II (1778 г.). СПб. 1885, с. 317.
4. ПЕТРУШЕВСКИЙ А. Генералиссимус князь Суворов. Т. I. СПб. 1884, с. 207—208.
5. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I (1775—1777 гг.), предисловие, с. V.
6. МАРКЕВИЧ А. Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму. — Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК). Симферополь, № 31, 1901, с. 7.

7. ДРУЖИНИНА Е.И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959, с. 328.
8. КРЮЧКОВ А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII — начало XIX в.). Дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2006, с. 116.
9. Архив Государственного Совета (АГС). Т. I. Ч. I. СПб. 1869, стб. 332.
10. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 224.
11. Там же, т. I, с. 690; FISHER A.W. The Russian Annexation of the Crimea (1772—1783). Cambridge. 1970, p. 101.
12. КРЮЧКОВ А.В. Ук. соч., с. 118.
13. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана. Временник Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете (Временник ОИДР), кн. 24, 1856, с. 103.
14. САМОЙЛОВ А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Петелина-Таврического. — Русский Архив. 1867, № 7, стб. 1210; ВОЛОДАРСКИЙ Я.Е., ЕЛИСЕЕВА О.И., КАБУЗАН В.М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М. 2003, с. 26.
15. МАРЦИНОВСКИЙ П.Н. Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777—1783 гг., по материалам «Камерального описания Крыма». — Культура народов Причерноморья. № 20, 2001, Симферополь, с. 103.
16. ГЕРАСИМЧУК А. Зачем из Крыма изгнали греков? Как донецкими стали греки крымские... URL: <http://www.uargument.com/index.php?id=3870&show=news&newsid=14068>.
17. Письмо князя Прозоровского — статскому советнику Стахиеву от 09.06.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 690.
18. Сумма годового дохода Крымского ханства выведена И.А. Игельстромом в 1784 году. См.: ЛАШКОВ Ф.Ф. О Камеральном описании Крыма. — ИТУАК. 1897, № 2, с. 29.
19. КЕССЕЛЬБРЕННЕР Г.Л. Крым. Страницы истории. М. 1994, с. 37.
20. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 695.
21. Из оперативных донесений, приложенных к письму посланника А. Стахиева — графу Н. Панину от 22.01.1778 года. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 107.
22. Подробнее см.: КАБУЗАН В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII — первой половине XIX века (1719—1858 гг.). М. 1976, с. 132—135.
23. ОРЕШКОВА С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. — Вопросы истории. № 7, 2008. с. 125.
24. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710.
25. КУЗЬМИНКОВ Л.М. Переселение крымских греков в Приазовье 1778—1780 гг. Украина — Греция: опыт дружественных связей и перспективы сотрудничества. Мариуполь. 1996, с. 55—56.
26. МАСАЕВ М.В. Присоединение Крыма к России. Симферополь. 1997, с. 157.
27. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 588.
28. Рескрипт Императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 317.
29. Наиболее последовательно ее отстаивал Арсений Маркевич в двух своих известных работах: Императрица Екатерина II и Крым — ИТУАК, т. 27, 1897, с. 32; Краткий очерк деятельности генералиссимуса А.В. Суворова в Крыму. Там же, т. 31, 1901, с. 6—7.
30. КЕССЕЛЬБРЕННЕР Г.Л. Ук. соч., с. 42; ВОЛОДАРСКИЙ Я.Е., ЕЛИСЕЕВА О.И., КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 26; СУХАРЕВ М.В. Становище православного населения в Крыму в 70-е — на початку 80-х гг. XVIII ст. — Культура народов Причерноморья. № 50, 2002, Симферополь, с. 184—185.
31. МАДАРИАГА И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002, с. 604.
32. АМЕТКА Ф. Судебная власть в Крымском ханстве. — Голос Крыма. 02.07.2004, Симферополь, с. 7.
33. ТОРНАУ Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб. 1850, с. 117.
34. ХАРТАХАЙ Ф. Историческая судьба крымских татар. — Вестник Европы. Т. 2. СПб. 1867, с. 143.
35. ТУРАН АХМЕТ НЕЗИХИ (Турция). Черты повседневногo быта народа Крыма (XVII—XVIII вв.). — Культура народов Причерноморья. № 43, 2002, Симферополь, с. 305.
36. События, случившиеся в Крыму., с.101—102.
37. СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184—185.
38. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву-Задунайскому от 04.05.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 598.
39. Там же, с. 690—691.

40. ДРУЖИНИНА Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир., с. 326—327.
41. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 29.10.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 807.
42. Глава греческой православной церкви в Крымском ханстве.
43. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 29.10.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 810—811.
44. Из Письма А. Стахиева — графу Н.И. Панину от 17.02.1778. Там же, т. II, с. 201—202.
45. События, случившиеся в Крыму., с. 226.
46. ЛУРЬЕ С.В. Идеология и геополитическое действие (вектор русской внешнеполитической экспансии: Балканы — Константинополь — Палестина — Эфиопия). М. 1996.
47. FISHER A.W. Op. cit.; ДАЙНЕКО Л.И. Малые этносы в Крымском ханстве (К вопросу о выселении христиан из Крыма в 1778 г.). — Известия Крымского Республиканского краеведческого музея. № 5, 1993; ТЕРЕНТЬЕВА Н.А. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVII—XX вв.). Киев. 1999.
48. FISHER A.W. Op. cit., p. 102—103.
49. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 5.
50. МАРКЕВИЧ А. Ук. соч., с. 6; СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184.
51. СМИРНОВ В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М. 2005, с. 122; ЛАПИЦКАЯ С. Завоевание и колонизация Крыма царизмом. — Исторический журнал. 1937, с. 43.
52. МАРКЕВИЧ А. Ук. соч., с. 6.
53. Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. Симферополь. 1872, с. 40.
54. Крымский Афон (Бахчисарайский Успенский монастырь в исторических описаниях). Симферополь. 1995, с. 12—13.
55. Заседание от 25.07.1771 г. АГС, т. I, ч. I, стб. 97.
56. СУХАРЕВ М.В. Ук. соч., с. 184—185.
57. На указанный документ Екатерина ссылается в рескрипте Румянцеву от 18.02.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 261—262.
58. Рескрипт императрицы — графу Румянцеву от 09.03.1778. Там же, т. II, с. 317.
59. Письмо князя А. Прозоровского — князю Потемкину от 18.04.1778. Там же, т. II, с. 405.
60. Постановление крымских христиан приложено к рапорту генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 17.07.1778. Там же, т. II, с. 556—557.
61. ГЕРАСИМЧУК А. Ук. соч.
62. КНЯГИНИН Е. Опыт принудительного освобождения христиан. — Первая Крымская информационно-аналитическая газета. Симферополь. 2—8 марта 2007 (№ 164).
63. Письмо графа Румянцева-Задунайского — Шагин-Гирей-хану от 02.09.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 685.
64. Письмо Шагин-Гирей-хана — графу П.А. Румянцеву от 26.07.1778. Там же, т. II, с. 596—597.
65. Письмо А. Суворова — А.Д. Константинову от 05.08.1778. Там же, т. II, с. 619.
66. Цит. по: ПЕТРУШЕВСКИЙ А. Ук. соч., т. I, с. 210.
67. ГЕРАСИМЧУК А. Ук. соч.
68. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А.Л. Керменчик (крымская глушь). Одесса. 1898.
69. Там же.
70. Письмо Василия Черткова — П. Веселицкому от 12.06.1781. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч. Т. IV (1781—1782 г.). СПб. 1889, с. 106—107.
71. Письмо А. Стахиева — графу Румянцеву от 21.06.1778. Там же, т. II, с. 498, 544—545.
72. Российский посол в Османской империи А. Стахиев сообщает графу Н.И. Панину в своем письме от 06.07.1778 о том, что 27 июня «нынешний топчи-баши (османский командир артиллерии. — Р.Д.) Ахмет-бей на Перском христианском кладбище (Пера в XVIII столетии — дипломатический квартал Стамбула. — Р.Д.) обучал канониров производить скорострельную пальбу из пяти или шести вновь вылитых пушек» (ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 544).
73. Рапорт князя Прозоровского — графу Румянцеву от 23.04.1778. Там же, т. II, с. 425.
74. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 07.08.1778. Там же, т. II, с. 638.
75. АРАДЖИОНИ М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII — 90-е гг. XX вв.). Симферополь. 1999.
76. Например, в Письме Шагин-Гирей-хана — графу Румянцеву-Задунайскому от 21.04.1777. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. I, с. 494.
77. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Греки Криму: проблема двох переселень (з історії міграційних рухів XVIII—XX ст.). Крим в історичних реаліях України: Матеріали наук. конф. Київ. 2004, с. 131.

78. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 593.
79. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778. Там же, т. II, с. 710.
80. Прежде всего, Постановление крымских христиан от 17.07.1778 и ханское Повеление ко всем в крымских городах каймаканам предположительно от 25.07.1778.
81. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Ук. соч., с. 138—139.
82. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 07.08.1778. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 635.
83. МАРЦИНОВСКИЙ П.Н. Ук. соч., с. 103.
84. События, случившиеся в Крыму., с. 128.
85. Рапорт генерал-поручика Суворова — графу Румянцеву-Задунайскому от 18.09.1778 с приложенной Ведомостью учиненной с показанием, сколько разного рода из Крымской земли, каких городов и деревень отправлено в Россию христиан обоего пола мужескаго и женскаго, из оных колкое число оставших для торговли, зимующих тожь за своими расправами по домам о том значится ниже сего. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710—714.
86. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 16, оп. 1, д. 588, ч. 13, л. 441—442.
87. ЗООИД. Т. 1. Одесса. 1844, с. 200.
88. КАЛОЕРОВ С.А. О переселении греков в Приазовье и основании греческих населенных пунктов. Гл. 2.10. URL: <http://www.azovgreeks.org/gendb/rus/Kaloerov.htm>.
89. Там же, гл. 2.13.
90. Перевод с доношения, писаннаго к генерал-поручику и кавалеру Суворову от общества армянскаго от 18.04.1779. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. III (1779—1780). СПб. 1887, с. 152—153.
91. Там же, т. III, с. 370—373.
92. События, случившиеся в Крыму., с. 129.
93. ДАЙНЕКО Л.И. Ук. соч., с. 10.
94. БАГДЫКОВ Г. Краткая история Донских Армян. URL: <http://www.nahichevan.ru/istor.htm>.
95. КАЛОЕРОВ С.А. Ук. соч., гл. 2.6.
96. ГРИГОРЬЯНЦ В.Е. Очерк истории крымских армян. — Историческое наследие Крыма. № 20, 2007.
97. ДУБРОВИН Н.Ф. Ук. соч., т. II, с. 710.
98. Рапорты генерал-поручика Суворова — князю Потемкину от 14.03.1779; 12.04.1779; 12.05.1779 (РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 588, ч. 13, л. 378, 385, 392).
99. Там же, л. 307.
100. ТЕРЕНТЬЕВА Н., БАЦАК Н. Ук. соч., с. 139—140.
101. АРАДЖИОНИ М.А., ВЬЮНИЦКАЯ, ЕФИМОВ А.В. Формирование новой общины греков Крыма в конце 18 — начале 19 века. Греки в истории Крыма. Симферополь. 1998, с. 42.
102. АРАДЖИОНИ М.А. Греки Крыма и Приазовья... Автор ссылается на материалы, содержащиеся в Госархиве Донецкой области, ф. Р-678, оп. 1, д. 35, л. 1—2.
103. КАБУЗАН В.М. Ук. соч., с. 133.
104. ТЕР-САРКИСЯНЦ А. Донские армяне: тенденции этнокультурного развития. URL: <http://nnao.ru/history/donarm.html>.
105. МИКАЕЛЯН В.А. На крымской земле (история армянских поселений в Крыму). Ереван. 1974, с. 149—151; ТЕР-САРКИСЯНЦ А. Армяне. История и этнокультурные традиции. М. 1998, с. 277.